

2. Апогей конфронтации (сентябрь-декабрь 1983 г.)

В ночь на 1 сентября в советское воздушное пространство над Камчаткой вторгся самолет, который прошел над военными базами, игнорируя все требования о посадке. После того, как самолет, на время покинув советское воздушное пространство, снова вторгся в него над Сахалином, военные приняли решение сбить нарушителя. Вскоре стало известно, что это был не разведывательный самолет, как предполагали советские военные³⁶, а пассажирский лайнер «Боинг-747» с пассажирами на борту.

Утром 1 сентября Госсекретарь США Д.Шульц выступил на пресс-конференции и заявил, что самолет был сбит несмотря на то, что советские ПВО понимали — это самолет пассажирский. Такой вывод прямо противоречил заключению разведуправления ВВС США, которое ранее было передано в Белый дом и объясняло, почему «русские» приняли «Боинг» за разведывательный самолет³⁷. Посол в США А.Добрынин вспоминает: «Шульц еще ничего не знал о советской официальной версии и не имел еще других официальных сведений на этот счет. Но обычно осторожный и флегматичный, Шульц на этот раз проявил сверхоперативность. Проведенная им сверхэмоциональная пресс-конференция сразу же задала тон всем откликам в США. Для меня до сих пор остается загадкой подобная торопливость госсекретаря. Судя по всему, он был введен в заблуждение директором ЦРУ Кейси, сразу же утверждавшим с подачи своих служб, что речь идет о преднамеренном уничтожении пассажирского самолета над советской территорией, хотя другие разведслужбы США высказывали сомнения на этот счет. Но чтобы не прослыть, видимо, “мягкотелым”... Шульц сразу же взял на вооружение версию ЦРУ. Ее тут же подхватил в еще более резких выражениях сам Рейган...»³⁸

По словам Рейгана, «русский военный самолет хладнокровно сбил корейский авиалайнер, следовавший рейсом 007»³⁹. Вообще-то, если бы лайнер следовал рейсом 007, с ним ничего бы не случилось — этот маршрут не лежал над советскими военными базами. По мнению Рейгана, «радиосообщения также показывали, что члены экипажа не подозревали о том, что в небе над северной частью Тихого океана к ним подкрадывались советские самолеты»⁴⁰. Это маловероятно — для такого «неведения» в самолете должны были одновременно выйти из строя самые разнообразные навигационные приборы. По утверждению Г.Корниенко, после первого выхода из советского воздушного пространства с самолета передали: «Мы благополучно прошли юг Камчатки»⁴¹. Зная о том, что они нарушили воздушное пространство, пилоты «Боинга» не могли не думать о перспективе встречи с

советскими ПВО. Один из советских военных, участвовавших в этих событиях, утверждает, что над Камчаткой «Боинг» вдруг на некоторое время исчез из поля зрения радаров, что можно объяснить лишь внезапным снижением самолета⁴².

«Невозможно поверить, — продолжал Рейган, — что, видя его размеры и опознавательные знаки, летчики не поняли, что преследуют огромный пассажирский авиалайнер»⁴³. Ошибка советских ПВО была связана с тем, что в течение некоторого времени маршрут пассажирского самолета совпал, до полного слияния отметок на радаре, с трассой полета разведывательного самолета РС-135, который находился в этом же районе (РС-135 создан на базе «Боинга» и внешне похож на него)⁴⁴. Совпадение маршрутов не могло быть случайным. Советские ПВО сознательно вводились в заблуждение американской стороной. К тому же американцы уже давно нагнетали нервную обстановку вдоль воздушных границ СССР: «Порой мы посылали бомбардировщики на Северный полюс, чтобы советские радары могли их засечь. А порой запускали бомбардировщики над их приграничными территориями в Азии и Европе», — вспоминает командующий стратегическими ВВС США Д.Чейн о практике балансирования на грани войны 1981—1983 гг.⁴⁵ Так что «Боинг» шел по «проторенному» маршруту.

Летчик Осипович, сбивший «Боинг», утверждает: «Ни на минуту я не думал, что могу сбить пассажирский самолет... Беда всех советских летчиков в том, что мы не изучаем гражданские машины иностранных компаний»⁴⁶. То, что летчик не знал, какой самолет атакует, подтвердило и десятилетнее расследование ИКАО. Характерно, что эта международная организация так и не выяснила причины отклонения «Боинга» от маршрута, поскольку американская сторона (в отличие от российской) не предоставила всех затребованных материалов — они затрагивают интересы безопасности США⁴⁷.

«Наши действия были абсолютно правомерными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 километров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам», — заявил на заседании Политбюро министр обороны Устинов⁴⁸.

По мнению участников совещания в Генеральном штабе Министерства обороны СССР, происходившего утром 1 сентября, «самолет вместе с находившимися в нем пассажирами был использован американскими разведывательными службами в качестве если не активного разведывательного средства, оснащенного соответствующей разведывательной аппаратурой, то пассивного, то есть таким образом они пытались вынудить советское военное командование задействовать систему ПВО на Дальнем Востоке, чтобы затем засечь параметры ее работы с помощью других разведывательных средств, включая спутники. На эту версию работало и то, что, как известно, южнокорейский самолет вылетел из Анкориджа с задержкой без видимой на то причины на 40 мин., и в результате его полет над Камчаткой и Сахалином оказался синхронизированным с очередными витками американского

спутника «Феррет-Д», оснащенного аппаратурой слежения за системами ПВО», — рассказывает Г.Корниенко.⁴⁹ Было совершенно невероятно, чтобы исчезновение самолета не было замечено на международных станциях слежения, чтобы в самолете «испортились» сразу все навигационные приборы, чтобы совпадение курсов разведывательного и пассажирского кораблей перед «ЧП» оказалось случайным. Участвовавший в расследовании «Известий» А.Иллеш обращает внимание на то, что советская сторона не предприняла усилий, чтобы связаться с американцами или японцами, выяснить, «чья это машина в нашем небе?»⁵⁰ Но такие усилия были бы логичными, если бы не предпринимались маневры разведывательного самолета, которые убедили ПВО — она имеет дело не с гражданским судном, и поэтому выяснять его происхождение у служб гражданской авиации не имеет смысла. Тем более, что эти службы не били в набат по поводу «потерянного» самолета. Вскоре выяснилось, что американцы внимательно следили за полетом, но «почему-то» не предупредили экипаж об отклонении от курса.

Самолет летел над особо секретным районом, где возводилась, но еще не была построена новая система воздушного контроля. Из-за ее незавершенности самолет на время исчез с экранов локаторов, что вызвало дополнительную нервозность советских военачальников и уверенность в том, что это — разведывательное судно⁵¹.

Большая часть советского руководства пришла к выводу, что самолет «стал жертвой злонамеренных действий американских служб», — вспоминает Г.Корниенко⁵². В этих условиях единственно разумным поведением со стороны советского руководства могло быть обличение американцев. Громыко считал, что нужно «твердо сказать, что мы действовали законно, сказать о том, что выстрелы были произведены»⁵³. Громыко был поддержан Горбачевым: «Нам надо четко показать в своих заявлениях, что это было грубое нарушение международных конвенций. Отмалчиваться сейчас нельзя, надо занимать наступательную позицию»⁵⁴. «Если все произошло в соответствии с международными конвенциями, то почему погибли люди?»⁵⁵ — комментирует стенограмму обсуждения Д.Волкогонов. Потому что конвенции нарушила другая сторона. Мысль Горбачева продолжил Соломенцев: «Следует занимать наступательную позицию, хотя, возможно, мы могли бы сказать и о том, что сочувствуем семьям погибших в результате этой преднамеренной провокации»⁵⁶. Но окончательное решение должен был принять Андропов.

Вспоминает Г.Корниенко: «Из разговора с Андроповым чувствовалось, что он сам склонен действовать предельно честно. Но он сослался на то, что против признания нашей причастности к гибели самолета «категорически возражает Дмитрий» (Устинов). Тем не менее Андропов тут же, не выключая линию, по которой шел наш разговор, соединился по другому каналу с Устиновым и стал пересказывать ему приведенные мной аргументы. Но тот, не особенно стесняясь в выражениях по моему адресу (весь их разговор был слышан мне), посоветовал Андропову не беспокоиться, сказав в заключение: “все будет в порядке, никто никогда ничего не докажет”»⁵⁷. Советское

заявление об инциденте признавало, что самолет нарушил советское воздушное пространство, но о его дальнейшей судьбе ничего не известно⁵⁸.

Это заявление лишило советскую сторону всех козырей в споре с американцами и подтвердило в глазах жителей Запада правоту американской администрации — раз «русские отпираются», то значит они не правы. На Западе развернулась мощная кампания, направленная против «бесчеловечного» советского руководства, хладнокровно уничтожившего ни в чем не повинных пассажиров. 6 сентября факт уничтожения самолета советскими ПВО пришлось признать, но было уже поздно — мир был поражен «актом советского вандализма». Об обстановке, царившей на Западе в эти дни, дает представление вопрос (один из многих в этом роде), который был задан на одной из встреч с журналистами главному редактору «Правды» В.Афанасьеву, находившемуся в это время в Великобритании: «Как вам не стыдно находиться в нашей стране, смотреть людям в глаза, когда вы убили 269 ни в чем не повинных людей»⁵⁹. Попытки Афанасьева «перевести стрелку» на военных, которые, «может быть» «сами неточно представляли себе, что произошло»⁶⁰, только подлили масла в огонь.

В публичном выступлении Рейган заявил: «Советский Союз выступил против всего мира и моральных заповедей, которые повсеместно устанавливают отношения гуманизма между людьми»⁶¹. 8 сентября состоялась встреча Громыко и Шульца в рамках очередного раунда совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. По воспоминаниям Г.Корниенко, «встреча, проходившая в резиденции посла США, нарочито была обставлена США так, чтобы перед всем миром продемонстрировать жесткость и резкость позиции США. В резиденцию было приглашено необычно большое число теле- и фотожурналистов, на глазах у которых Шульц даже не подал руки Громыко, а затем, заняв прокурорскую позу, стал отчитывать СССР за «содеянное злодейство». Громыко отвечал ему столь же резко, и был момент, когда оба они вскочили и, казалось, схватят друг друга за грудки»⁶². По воспоминаниям А.Добрынина, «Шульц не успел сесть за стол, как сразу же заговорил об инциденте с самолетом. Не реагируя на предложение Громыко условиться, как всегда, вначале относительно порядка беседы, он стал в повышенных тонах излагать американскую версию этого инцидента, сославшись опять на указание президента. Резкая перепалка министров сопровождалась взаимными обвинениями. Громыко даже в какой-то момент изменила его известная выдержка: в сердцах он бросил свои очки об стол, да так, что чуть не разбил их»⁶³.

Только через месяц началось отрезвление. 7 октября «Нью Йорк Таймс» писала, что «по словам специалистов в области разведки США, они просмотрели всю имеющуюся информацию и не нашли никаких признаков того, что персонал советской противовоздушной обороны знал, что это гражданский самолет»⁶⁴. Однако важно было первое впечатление.

По мнению американского исследователя Д.Пирсона, «правительство США, неясно на каком уровне, приняло сознательное политическое решение поставить под угрозу жизнь 269 ни в чем не повинных людей, исходя из предпосылки: нельзя упустить возможность получить уникальную разведы-

вательную информацию, а русские не решатся сбить гражданский самолет»⁶⁵. В такой трактовке, которая, возможно, использовалась для того, чтобы убедить пилотов участвовать в операции, весь расчет строится на способности советских ПВО определить, что самолет является пассажирским. Однако американской стороной было сделано все, чтобы советское ПВО считало, что имеет дело с разведывательным самолетом. Ценность военной информации не идет ни в какое сравнение с важностью пропагандистского эффекта от гибели «Боинга». Пацифистское движение в США и Европе получило тяжелейший удар, сопротивление вводу американских ракет в Европу было ослаблено. По признанию Р.Рейгана, «уничтожение корейского авиалайнера КАЛ-007 дало крайне необходимый толчок к одобрению в конгрессе программ перевооружения и лишь на время отсрочило попытки свести на нет наши усилия по восстановлению военной мощи Америки»⁶⁶. Не в этом ли состояла действительная цель провокации?

Сам Андропов считал, что «наши военные допустили колоссальную глупость, когда сбили этот самолет. Теперь нам, видимо, долго придется расхлебывать эту оплошность. — вспоминает о словах Генсека А.Добрынин. — Андропов резко осудил “тупоголовых генералов, совсем не думающих о большой политике” и “поставивших наши отношения с США, столь трудно налаживаемые, на грань полного разрыва”. Он считал, что это была провокация со стороны американских спецслужб, чтобы проверить нашу радиолокационную систему защиты в этом районе»⁶⁷.

Гибель «Боинга» открыла наиболее драматическую страницу Второй холодной войны. По словам Рейгана, осенью 1983 г. «все надежды на встречу в верхах испарились»⁶⁸. Андропов решил взять американского избирателя на испуг. 29 сентября было опубликовано заявление Генерального секретаря, в котором говорилось: «Если у кого-то и были иллюзии насчет эволюции в лучшую сторону политики нынешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли»⁶⁹. Андропов давал понять, что он будет разговаривать только с новым президентом Америки. Ему пришлось бы долго ждать. Большинство активных американских избирателей поддержали мнение Рейгана о том, что «Соединенные Штаты находились в самом выгодном за два десятилетия положении и могли говорить с русскими с позиции силы»⁷⁰. Западная Европа в сложившихся условиях тоже склонялась к поддержке США. Даже Ф.Миттеран заявил: «Любой, кто играет в отделение Европейского континента от Американского, способен, по нашему мнению, разрушить равновесие сил и, следовательно, помешать сохранению мира»⁷¹.

Со 2 по 11 ноября ядерная тревога в высших эшелонах власти СССР достигла апогея в связи с командными учениями НАТО «Эйбл Арчер-83». В сложившейся обстановке переход к полной боевой готовности в ходе учений мог быть прикрытием развертывания для внезапного ракетного удара. Было усилено наблюдение за представителями американской элиты в Европе (не собираются ли эвакуироваться)⁷². Активизировалась проводившаяся еще с 1981 г. разведывательная операция РАЯН (Ракетно-ядерное нападение), направленная на выявление признаков подготовки к удару со стороны

США⁷³. Ситуация 2—11 ноября может оцениваться как военно-технический пик Второй холодной войны. Но и позднее дипломатическая конфронтация не спала.

После того, как 22 ноября первая партия американских ракет «Першинг II» прибыла в Европу, советская сторона покинула переговоры в Женеве по ракетам средней дальности. «Правда, — вспоминает Г. Корниенко, — на этот раз путем “аппаратных хитростей” удалось убедить руководство принять довольно гибкую формулу: мы заявляли не о разрыве переговоров, а о перерыве в переговорах без установления даты их возобновления, но и без выдвижения каких-то условий для этого. Таким образом, мы не загоняли себя в тупик, как это было, когда мы отказывались садиться за стол переговоров, “пока не будет отменено решение НАТО”»⁷⁴. Взятый СССР «тайм аут» продлился до 1985 г. 25 ноября Андропов опубликовал заявление, в котором говорилось: «С размещением американских ракет на европейской земле возрастает не безопасность Европы, а реальная опасность того, что США навлекут на народы Европы катастрофу»⁷⁵. Это звучало как угроза. Андропов не преминул напомнить о том, что Рейганом «объявлен “крестовый поход” против социализма как общественной системы... Похоже, что размещая в Европе “Перишинги-2” и крылатые ракеты, правительства ряда стран НАТО хотели бы подвести под эту авантюристическую посылку конкретную ракетно-ядерную базу»⁷⁶.

В ответ СССР сообщал о снятии моратория на размещение советских ракет средней дальности в Европе, о планах размещения новых ракет повышенной дальности, о выводе к берегам США морских средств базирования ядерных ракет. «Эти наши средства, — добавлял Андропов, — будут адекватны той угрозе, которую создают для нас и наших союзников американские ракеты, размещенные в Европе»⁷⁷.

Угроза ядерного апокалипсиса принимала конкретные очертания. От запуска ракеты любой из сторон до начала всеобщего побоища могли пройти считанные минуты. Многие люди в СССР всерьез думали о том, что они будут делать в случае начала ядерной войны.